

ОДИН ПЛЮС ОДИН

ЭСТРАДНЫЕ ПРЕМЬЕРЫ свершаются летом. Та, о которой пойдет речь, состоялась зимой. Впрочем, не в этом еще заключена ее главная особенность. Если бы «Пиф-паф или сатирические выстрелы по промахам» прозвучали в самый разгар концертно-отпускного сезона, то и тогда, смею надеяться, они не затерялись бы в шуме многочисленных эстрадных программ и «вечеров», которыми полна в это время столица.

Но все-таки они раздались в середине зимы. В период, так сказать, более ответственный.

Поэтому необычность сугубо календарного плана позволяет думать о необычности творческой. О том, что Бабель называл «серьезным подходом к несерьезному искусству». И, как потом оказывается, догадки и домыслы эти совершенно закономерны.

Своеобразие программы, названной сколь общо, столь и традиционно — «Пиф-паф или сатирические выстрелы по промахам», целиком определяется своеобразием творческого лица тех артистов, ради которых и силами которых весь спектакль, собственно, и осуществлен. Их двое — один Александр Лившиц, другой — Александр Левенбук.

В причинах их успеха очень хочется разобраться.

Начнем издалека. Из искусства любого эстрадного яркого актера, из всего этого многообразия ходов, масок и эффентов всегда можно извлечь некоторую квинтэссенцию формы, приема. Даже такой необъятный феномен, как Аркадий Райкин, укладывается в одну, конечно же условную, конечно же неполную и все же справедливую формулу «фантастический талант и перевоплощению, и трансформации».

С остальными — понятнее. Достаточно вспомнить, что большинство сатирических и комических дуэтов строятся на конфликте и несоответствии двух характеров. Мизантроп противопоставлен филантропу, пессимист — оптимисту, обыватель — гражданину, дуран — умному, вздорная и взбалмошная жена — милому и уравновешенному мужу. Вместе эти полярные противоположности великолепно дополняют друг друга. И даже больше: на эстраде им порознь, как правило, нечего делать. Если подкованный во всех отношениях конференсье омоничательно перевоспитывает и перекует своего скептического партнера — смех в зале прекратится. Впрочем, если мещанин восторгается, юмор столь же быстро скончается.

Теперь припомним знакомый еще со школьных времен метод рассуждения от противного.

Лившиц и Левенбук не стремятся к перевоплощению. (Имеется в виду чисто эстрадное перевоплощение, полное и мгновенное, когда на смену одному гротескному персонажу немедленно следует другой). Нет, они, разумеется, способны двумя-тремя деталями передать тот или иной мимолетный образ, но в принципе подчеркнутая характерность их не интересует. Они чаще всего и дольше всего остаются самими собой. В самом прямом смысле. Никакого столкновения характеров, никакой борьбы индивидуальностей. Александр Левенбук не противопоставлен Александру Лившицу. Один приятный молодой человек ничем особым не отличается от другого молодого человека.

И тем не менее вдвоем — они великолепный сатирический дуэт, единый коллектив, или, еще точнее, организм.

Осознание и распознавание нелепого — вот существо их творчества. Они берут явление и рассматривают его под микроскопом. И препарируют его. И анализируют. Совершается эта операция с азартом истинных исследователей — совместно, коллективно, иногда синхронно. Артисты расчетливы и скупы. Набор сильнодействующих актерских средств нужен им лишь для того, чтобы описать болезнь не только объективно, но и наглядно.

Процесс мысли — вот что подкупает зрителя в работе Лившица и Левенбука. Вот что его и веселит, ибо мысль оборачивается то парадоксальным аргументом, а то таким вполне реалистичным резюме, что перед ним бледнеет любой пара-

докс. Вот что будит в зрителе чувства истинно гражданские, потому что номера Лившица и Левенбука непременно рассчитаны на зрительское участие в исследовании, изучении, распознавании всяческих промахов и недостатков.

В этих заметках уже слишком много определенных, применимых по отношению к научной работе. Между тем разговор идет о представлении — едином — очень смешном и очень жизнерадостном. Лившиц и Левенбук начинали в капустниках медицинского института. От той студенческой поры у них не только озорство и необходимая сатирикам доза непочтительности по отношению к общим местам и общепринятым мнениям. (Не лишним будет заметить, что их успех на профессиональной эстраде начался с уморительного переосмысления канонической «Мухи-цокотухи»).

Капустник привил молодым артистам вкус к злободневности, к конкретности, к тому, что вещи надо называть своими именами. Капустник научил их формальной смелости, они могут найти прием, самый наивный и неприятный, и оправдать его и превратить в принципиальное оружие.

Стихотворение «Массовка» разыграно энергично и с несомненным знанием подробностей быта. Не держится этот трехминутный спектакль на простейшем стержне — актеры через равные промежутки времени изображают духовой оркестр. И вот дурацкое бравурное гудение воображаемых геликоптеров и валторн становится символом поназухи, нравственной лени, бездарно потраченного времени.

Эстраду часто призывают к публицистичности. И эстрада откликается. И звучат с эстрады высокопарные, трескучие монологи, поясняющие, что «время нынче особенное», и призывающие объявить решительную борьбу всему тому, «что еще порой мешаает нам жить». Как правило, подобная «публицистика» никакой связи и с представлением, и с жизнью не имеет.

Манера Лившица и Левенбука примечательна тем, что публицистичность ее органична. Она не привесок, не бантик, не украшение. Она — плоть и естество. Без нее, без четкого гражданского отношения исполнителей, саркастичная повесть о бездельниках прозвучала бы безмятежно и мило. Гневная, откровенная сказка «О царевне и семи пошлаках» воспринималась бы как очередная пикантная анекдот. Изящная «Эволюция школы» не будила бы столько горьких и одновременно конструктивных размышлений.

На эстраде, как в поэзии, только свой собственный пафос, своя тема, своя идея помогают обрести свой неповторимый язык образов.

Лившиц и Левенбук показывают номер, подобного которому, как нам кажется, наша профессиональная эстрада не знала, по крайней мере последние тридцать лет. Он сух, этот номер, строг и аскетичен. Он и не номер даже, а газетный репортаж, анкета, социологическое исследование.

Объект — подворотня большого дома, бо́льшая улица большого города. Участники — всегда эта подворотня. Социальная проблема — хулиганство, общество и личность, вне рабочее время трудящихся.

Эта сцена убийственно точна, ее факты неопровержимы, но, что важнее всего, она истинно патетична. Потому что не перед нами патетика раздумья и действия, а не пустопорожних речей, произносимых на высокой ноте.

«Подворотня», на наш взгляд, — ярчайший пример того стиля, который разрабатывают на эстраде Александр Лившиц и Александр Левенбук.

Этот стиль плакатен и интеллектуален, в нем больше графики, чем красок, больше рассудка, чем плоти и эмоций, нравится он не всем. Ну что ж, зато у артистов есть своя публика, та, что не забывает об эстраде и зимой, в самое время оперных и драматических премьер.

Ан. МАКАРОВ.

Р. С.

Спектакль «Пиф-паф или сатирические выстрелы по промахам» длится два часа десять минут. Концентрированную эссенцию сатиры разбавляет молодой певец Олег Чистяков.

Заниматься предсказаниями — дело невыгодное и неблагодарное. Но поверьте, если все будет хорошо, через год-полтора у нас на эстраде появится настоящий современный певец.

Олег Чистяков удивляет и покоряет публику сразу. Даже его серьезные, «ученые» очки, даже сама его внешность, подходящая больше аспиранту-физику, чем эстраднему певцу, вызывают симпатию. И поет Олег Чистяков тоже интеллигентно — просто, умно и честно.

А. М.

Фото В. Ахломов.

«Мелодия» № 9/1966, 26 февраля